

Игнатий Николаевич Потапенко

Не простит... (Записки старого студента #01)

Игнатий Николаевич Потапенко - незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, - жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои - незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные нуждой сель-

ские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856-1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

**Игнатий Николаевич
Потапенко
Не простит...**

Рассказ

Квартира представляла ряд маленьких, тесных комнат, похожих на клетки для зверей. Все они выходили окнами на второй двор, не отличавшийся чрезмерной чистотой, в каждую шла дверь из узкого тёмного коридора, каждая была обставлена настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы существовать. В комнате полагалась кровать, стол, два стула; на стене вешалка для платья. В двух стояли комоды, за что взыскивалось рубля на два дороже.

Одна комната была исключением. Она помещалась при самом входе направо, тогда как все остальные шли налево, и эта окнами выходила на первый двор, и было в ней не одно, а два окна; на них висели белые прозрачные занавески и подоконники содержались в примерной чистоте. В комнате были те же предметы, что и в других; но можно было заметить и значительную разницу. Кровать была отделена ширмой, стол был отполирован, перед столом помещался диван, правда, далеко не первой свежести, но всё же такой, на котором можно было сидеть. Был ещё маленький

круглый столик, что-то вроде кресла, а в углу стояло приспособление для туалета, с зеркалом и с какими-то флакончиками. Что особенно поражало в этой комнате, так это необыкновенная порядочность общего вида: всё всегда было на месте, во всём виделась чистота, щепетильная опрятность, — словом, сразу можно было догадаться, что здесь обитает женщина.

Студент Чигринский всякий раз, когда входил в эту комнату, умилялся, сравнивая её со своей. Его комната помещалась в ряду тех, которые выходили окнами во второй двор. Она была самая миниатюрная из всех. В ней даже нельзя было поставить двух стульев, а стоял только один. Но что больше всего отличало её от этой, так это то обстоятельство, что у него во всякое время всё было вверх дном. Как-то уж так выходило, что не было никакой возможности установить порядок в его комнате. Хозяйка каждое утро прибирала в ней, но через какие-нибудь пять минут после её ухода вещи точно сами собой переменяли места, и всё принимало такой вид, как будто уже с неделю хозяйская рука не прикасалась к ним.

Может быть, это было свойство самого обитателя этой комнаты, переходившее на вещи. Но факт тот, что комната Чигринского на постороннего наблюдателя производила впечатление какой-то заброшенной кладовки, куда сложили разный хлам.

Если бы такой наблюдатель заглянул в комнату в то время, когда в ней сидел за столом или лежал на кровати во весь свой длинный рост Чигринский, то он и его причислил бы к хламу: до того странен был внешний вид этого человека.

В восемь часов вечера Чигринский сидел на диване, в комнате, окна которой выходили на первый двор. Он усиленно кусал нижнюю губу, от времени до времени вытаскивал откуда-то, точно из глубины шеи, клочья волос, составлявших его бороду, теребил их в разные стороны, запихивал себе в рот и вообще обнаруживал все признаки беспокойства. Он молчал, молчала также и хозяйка комнаты, Марья Петровна Лопатина. Она была не в духе, испытывала нервную дрожь и постоянно куталась в плед.

— Я не понимаю, — говорила она, — зачем

вы здесь торчите? Если б вы могли хоть слово интересное сказать, а то ведь вы молчите так же, как и я. Господи, какая тоска!

Чигринский смотрел на неё с отчаянием. С ним это всегда случалось, что именно тогда, когда нужно быть умным, он оказывался дураком. Человек он был вовсе не глупый и при случае мог говорить интересно и даже остроумно. Но вот именно теперь, когда он много дал бы за то, чтоб Марья Петровна улыбнулась, в голове его не оказывалось ни одной сколько-нибудь сносной мысли.

— Да ведь вы же всегда говорите, что я никуда не гожусь! — мрачно промолвил Чигринский. — Это только лишнее доказательство.

— Ах, это меня очень мало утешает!

Чигринский казался несчастным. Лопатина вообще не особенно жаловала его своей любезностью, но иногда ему казалось, — именно в такие моменты, когда у него в голове оказывались мысли и он становился занимательным, — иногда ему казалось, что она слушает его со вниманием и даже начинает относиться с симпатией. Но это случалось

редко; большею частью ей бываю с ним скучно, и она искала другого общества.

А, между тем, Чигринский с каждым месяцем замечал, что Лопатина всё больше и больше привлекает его к себе. Она появилась на его горизонте с год тому назад. В первое время она показалась ему очень странной. Чрезвычайно живая, нервная, она поражала своими неожиданностями, нередко казавшимися неловкими и бестактными. На неё иногда находило такое настроение, что она вдруг начинала говорить всем то, что думала о них. Выходило резко и никому не нравилось. Наружность её не представляла ничего выдающегося. У неё было маленькое лицо с мелкими чертами; маленькие глазки отличались живостью и переменчивостью выражения, но, в общем, в этом лице было что-то необыкновенно привлекательное, что-то задорное, интригующее. Вот на эту-то удочку и попался Чигринский. Именно глаза её заинтриговали его, а затем она начала интересоваться его всё больше и больше.

— Слушайте, — сказала Лопатина, — я думаю, лучше будет, если вы уйдёте к себе.

— Что ж, если я вам так надоел...

— Ах, нет, не то... но мы с вами оба представляем две такие мрачные фигуры, что лучше нам провести вечер врозь...

— Я уйду! — промолвил Чигринский, — но ведь вы знаете, как мне будет грустно... Ведь вы знаете...

— Ах, знаю, знаю, знаю! — нервно заговорила Лопатина, — так ведь это же ничего не помогает. Вы влюблены в меня, да? Ну, это глупо!

— Почему же глупо? — спросил Чигринский.

— Да так, просто глупо, да и только! Вообще глупо быть влюблённым. Это детское занятие...

Чигринский встал и изобразил желание уйти. В это время в передней раздался сильный звонок, потом по коридору зашлёпала туфлями хозяйка, которая почему-то всегда была не одета и всю жизнь носила какие-то ночные костюмы. Может быть, это происходило оттого, что она ютилась в тёмной дыре, где можно было поставить только кровать, а все остальные углы отдавала жильцам. Ещё

минута — загрохотал болт у двери, и затем в комнату протянулась рука, подававшая письмо.

Лопатина оживилась, вскочила с места, схватила письмо и с радостным криком открыла его.

— Вот кстати! — уже совсем, совсем другим голосом воскликнула она. — Оказывается, что сегодня вечеринка... Уж я не знаю какая. Вот тут написано на билете...

— Вам прислали билет? — спросил Чигринский.

— Да, вот посмотрите.

— Кто же это?

Он спросил это с каким-то новым оттенком в голосе: кажется, он ревновал Лопатину к тому, кто прислал ей билет.

— Право, не знаю! — промолвила Марья Петровна, но при этом взглянула на него искоса и заставила усомниться в том, что говорит правду.

— Значит, вы идёте?

— Гм!.. С кем же я пойду?

— Да, это вопрос! — промолвил Чигринский и отвернулся.

Может быть, он боялся именно тех слов, которые были тотчас же вслед за этим произнесены.

— Послушайте, вы должны идти!

— Я? — и он усмехнулся почти саркастически, причём этот сарказм, конечно, относился к нему самому.

— Конечно, вы... Что ж тут удивительного? Вы всегда говорите о ваших чувствах, а не хотите проводить меня на вечер.

— Да видите ли, Марья Петровна, чувства, это одно...

— А одолжение другое?

— Ах, нет же, нет, вы меня не так понимаете, но...

Он замялся. Решительно ему трудно было объясниться. Но Марья Петровна требовала, чтобы он, во что бы то ни стало, шёл с нею. Тогда Чигринский почувствовал решимость напрямик сказать ей, в чём дело.

— Слушайте, Марья Петровна, неужели вы думаете, что я могу проводить вас?

— Почему же нет?

— Да вы взгляните на меня.

— Ну-те, я гляжу.

— Да вы присмотритесь хорошенько.

Марья Петровна подошла к столу и взяла даже свечку и с слегка комическим видом начала тщательно осматривать его. Вдруг она рассмеялась.

— Однако... В самом деле! Но как это удивительно: я вас знаю столько времени и никогда этого не замечала. Да, это невозможно!

— Вы не замечали оттого, — с видимым смущением говорил Чигринский, — что вам это ещё ни разу не понадобилось. Какое же вам могло быть дело до моего костюма?

Да, только теперь Марья Петровна разглядела, во что был одет Чигринский... Она знала, что он был очень беден, жил скудными уроками, но не подозревала, что бедность его доходит до такой степени. Сюртук у него был до того потёрт и изношен, что в некоторых местах блестел, как хорошо вычищенный сапог. Подкладка иссеклась, и кое-где концы её, в виде чёрных ниток и тряпиц, выглядывали из рукавов и из-под полы; крахмальная манишка, воротничок, манжеты — всё это отстояло от стирки, по крайней мере, недели на две. Но самое ужасное, это были его узенькие,

совершенно обтягивавшие ему ноги брюки, слишком длинные, внизу истёртые, оканчивавшиеся какой-то бахромой странного вида.

С глубоким смущением стоял перед нею Чигринский и мечтал о том, чтобы ему как-нибудь провалиться сквозь землю.

— Да, да, в таком виде нельзя, конечно! — говорила Лопатина. — Но послушайте, я хочу пойти на вечер! Вы должны проводить меня.

— Марья Петровна, — отвечал Чигринский, — ведь вы же знаете, как я хотел бы этого, вы знаете мои чувства...

— Ах, Господи! Зачем тут чувства! Тут надо сюртук и рубашку, а вы говорите о чувствах... Чтоб пойти на вечер, вовсе не надо никаких чувств.

— Но что мне делать! Что ж я могу поделать? — восклицал Чигринский.

— Почём же я знаю? Не могу же я доставать вам сюртук! Согласитесь сами, что это невозможно.

Чигринский начал задумчиво и нервно ходить по комнате. Лопатина уселась за стол, подпёрла голову руками и, видимо, испытывала страшную досаду. Его шаги раздражали

её, и она, сидя к нему спиной и не подымая головы, нервным голосом промолвила:

— Слушайте, если вам так уж очень хочется ходить, то вы можете делать это в своей комнате.

Чигринский остановился, скорбно посмотрел на неё, потом направился к двери и вышел. Он прошёл по тёмному коридору, в котором горела прибитая к стене маленькая лампочка, дававшая, однако, очень много копоти и мало света. Он вошёл в свою комнату и зажёл свечу. Здесь было очень трудно шагать, но всё-таки он не мог обойтись без этого. Он не мог сидеть или лежать на месте, и его прогулка походила на какие-то безумные прыжки: сделав три шага в одном направлении, он должен был возвращаться.

«Странное существо женщина, — философски размышлял Чигринский, — до какой степени она зависит от каприза, от случайности... Не будь этого билета, ведь она спокойно просидела бы весь вечер дома!» Но затем он представлял себе Лопатину сидящую за столом в той позе, в которой он её оставил; воображал, какое она переживает негодование по

отношению к нему, и ему казалось невозможным оставлять дело в таком положении. Он очень дорожил её расположением. «После этого она меня совсем возненавидит», — с отчаянием думал Чигринский.

Рядом, сквозь наглухо запертую дверь, слышалось лёгкое похрапывание. Соседнюю комнату занимал студент-техник, хохол, по фамилии Булыга. Он уже дня два не выходил из комнаты. Булыга был очень мнителен и вечно воображал себя опасно-больным; на этот раз он схватил лёгкую простуду и, по обыкновению, вёл себя так, как будто ему предстояла верная смерть.

У Чигринского вдруг мелькнула мысль попросить у него одежду. Он постучался в дверь.

— А что вам? — болезненным голосом отозвался Булыга.

— Можно к вам зайти на минутку? — спросил Чигринский.

— Зайдите.

Чигринский быстро перебежал из своей комнаты в соседнюю. Булыга лежал на кровати, натянув на себя одеяло до подбородка. На стуле, стоявшем у изголовья, были какие-то

лекарственные пузырьки с рецептами и горящая свечка.

— Как ваше здоровье? — спросил Чигринский больше для того, чтобы как-нибудь обнаружить участие и этим расположить Булыгу в свою пользу.

— Скверно! — ответил Булыга. — Кашляю. Должно быть, туберкулы...

— Слушайте, не можете ли вы мне сделать одолжение?

Булыга уже после этих слов посмотрел на него испуганными глазами. Дело в том, что он был сравнительно с другими порядочно обеспечен. Он правильно получал из дому деньги и мог бы жить в гораздо лучшей квартире, но из экономии поселился здесь. Чигринский, положим, не любил брать взаймы, потому что не рассчитывал на исправную отдачу; но Булыге было хорошо известно, что у соседа никогда денег не бывает, поэтому он тотчас же заподозрил, что у него хотят просить денег.

— Ох, знаете, я просто не знаю, что делать, — сказал Булыга, желая наперёд отказать соседа от просьбы. — Вот уже неделя

прошла, как должен получить из деревни, а ничего не шлют...

— Пришлют! — успокоительно заметил Чигринский, — вам ведь всегда присылают. Скажите, Булыга, ведь вы сегодня никуда не идёте?

— Куда же я могу выйти? Разве что-нибудь экстренное?

— Ну, что же может быть теперь экстренное, вечером? Так, значит, вы никуда не едете?

— Да что вам за дело до этого, еду я или нет?

— Да уж, значит, есть дело, коли спрашиваю. Тут, видите ли, такое обстоятельство... Мне надо пойти сегодня в одно место... личное... А костюм мой, сами видите, каков.

— Так вы хотите в мой одеться?

— Да, если вы позволите.

— Ну, знаете, я этого никогда не делаю. Во-первых, вы длинный, а я короткий.

— Да это ничего... Тут главное, чтобы там, где полагается сюртук, был сюртук, а уж какой — это неважно...

— Нет уж, оставьте, пожалуйста! Терпеть

не могу, когда мои вещи кто-нибудь носит.

— Так не дадите?

— Нет.

Чигринский ушёл к себе. Минут через десять после этого в дверь его постучались, и затем раздался голос Марьи Петровны:

— Слушайте, Чигринский, идите сюда.

Чигринский побежал в её комнату.

— Мне страшно хочется поехать, я должна пойти сегодня! Я бы сама пошла, но это ужасно далеко, я боюсь...

— Может быть, я проводил бы вас, а оттуда вы как-нибудь сами, что ли...

— Нет! как же! А вдруг я там не встречу знакомых... Нет, вы уж лучше достаньте как-нибудь себе.

— Я просил Булыгу, он не даёт.

— Ах, Булыга! Пойдите-ка, я у него попрошу...

— Не даст!..

— А, может быть, и даст...

Марья Петровна в этом случае припомнила, что Булыга тоже не совсем был равнодушен к её глазкам. Она отправилась к его двери и постучала.

— Ах, ты, Господи! Да ведь я же сказал, что не могу! — крайне недовольным голосом отозвался Булыга, по-видимому, совершенно уверенный, что это Чигринский возобновляет свои домогательства.

— Послушайте, Булыга, это я! — промолвила Марья Петровна.

— Ах, вы? то есть... Это вы? — воскликнул Булыга и, несмотря на то, что дверь была затворена, из вежливости встал с кровати.

— Ну, да, я! к вам можно?

— Да, пожалуйста. Только у меня не совсем тут в порядке! Впрочем, ничего, войдите.

Лопатина вошла к нему и тотчас же сделала кислую мину от сильного запаха лекарств. Она не рассчитывала здесь долго оставаться и потому сразу сказала:

— Слушайте, сделайте мне удовольствие: дайте, пожалуйста, ваш сюртук.

Булыга с удивлением посмотрел на неё.

— Сюртук? то есть, как же? вам сюртук?

— Ах, нет, конечно, не мне. Чигринский обещал проводить меня на вечер, понимаете? А у него сюртука нет.

— Гм... Так я уже говорил ему... У меня, ви-

дите ли, только один сюртук...

— Да вы как-нибудь посидите так.

— Гм... Как же так? Да оно, пожалуй... вам я не могу отказать... Возьмите, пожалуй.

Он стоял перед нею и, по-видимому, чего-то ждал, а она по рассеянности не сообразила, что так как у него сюртук только один, то он должен снять его с плеч, чего он не мог сделать при ней, и тоже ждала.

— Так уж вы, пожалуйста, выйдите! — сказал он, наконец, — я должен снять сюртук.

— Ах, да, в самом деле! Ну, спасибо.

И она ласково посмотрела на него, очевидно, в награду за его любезность.

Минуты через две после того, как она пришла к себе, появился Чигринский в сюртуке, который был ему короток, но, несмотря на столь торжественный костюм, лицо его выражало отчаяние.

— Ну, вы готовы? — спросила его Лопатина.

— Слушайте, я не знаю уж, как вам это и сказать... — промолвил Чигринский.

— А что ещё?

— Да ведь сюртука одного мало...

— Зачем же вам два сюртука? — сострила и засмеялась Лопатина.

— Не в том дело. А нужно ещё...

Она взглянула на Чигринского и только теперь увидела, до какой степени лицо у него смущённое.

— Господи! — воскликнул он тоном отчаяния и опустил на стул, — что я за несчастный человек! Ведь нельзя же так идти, сами согласитесь! Ведь вы же понимаете, до какой степени я желаю проводить вас!

— Ну, уж действительно... Знаете, ещё сюртук я могла достать вам, но...

Чигринский на это не сказал ни слова. Он запустил обе руки себе в волосы и мрачно смотрел вниз. Между тем, Марья Петровна в это время была уже совсем готова к вечеру. Её русые волосы были завиты, новая кофточка блистала белизной, появились бантики, брошечка, шпильки.

— Что ж мне с вами делать? — промолвила она, — послушайте, Анчаров дома?

— Кажется, дома, — раздалось точно откуда-то из-под полу.

— Попросите у него.

— Не даст. Мне не даст. Мы с ним в натянутых отношениях.

— Фу-ты, какой вы! Послушайте, да не могу же я, не могу я просить... брюки...

— Как хотите! — уже окончательно безнадежно ответил Чигринский.

— Он в четвертом номере?

— Он перебрался в пятый.

— Пойду. Это невероятно, но я пойду!

И она пошла к пятому номеру. У Анчарова в комнате был свет. Она тихонько нажала ручку двери и отворила её.

— К вам можно?

— Ах, это вы, Марья Петровна! — радостно откликнулся Анчаров. — Чем могу служить?..

Марья Петровна совсем отворила дверь и остановилась на пороге.

— Слушайте, как это ни странно, но я прошу вас об этом... Видите ли, Чигринский должен проводить меня на вечер, а у него нет... Так не можете ли вы дать?

— Чего нет? Сюртука? — спросил Анчаров.

— Нет, не сюртука, а...

Марья Петровна замялась.

— А, понимаю! — догадался Анчаров и

громко рассмеялся. — Так вот что вам нужно!.. Ну знаете, вы к нему очень милостивы. Ему бы я не дал, а для вас с удовольствием.

В то время, когда Марья Петровна так счастливо одевала Чигринского, сам герой впал в отчаяние ещё больше прежнего. В её отсутствие он встал, подошёл к зеркалу и тщательно осмотрел свои воротнички и манжеты; они оказались в безнадёжном состоянии. Собственно говоря, в них недовольно прилично было даже показываться на улице. Но допустив мысль, что миссия Лопатиной у Анчарова кончится удачно, Чигринский уже никак не мог согласиться на то, чтобы она достала для него ещё что-нибудь. И тут у него мелькнула счастливая мысль: он стремглав вылетел из комнаты, пробежал через коридор и влетел прямо в тёмную кладовку, где помещалась хозяйка квартиры.

— Анна Ивановна! Ради самого Бога! — почти страстно начал он.

— О, Господи! — воскликнула хозяйка и вскочила с постели, страшно испугавшись его слов и тона. — Что такое там случилось?

— Да право же ничего... А тут дело вот в

чём. Понимаете, надо проводить Лопатину на вечер, а у меня воротнички того... подгуляли. Так нет ли у вас?

— У меня? Да разве я ношу воротнички? Разве вы видели когда-нибудь?

— Ах, вы не понимаете. Может быть, у вас в стирке есть чьи-нибудь?

— В стирке? Так как же я отдам вам чужие? Ведь вы их испачкаете.

— Ну, вы потом опять их вымоете, я вам за стирку заплачу...

— Ох, Чигринский, вы меня подводите... Никогда я этого не делала, чтоб отдавать чужие вещи.

— Так поймите же, поймите! Марью Петровну проводить надо...

— А вы небось влюблены в неё?..

— Ну, что там, где там!.. Просто надо любезность сделать...

Хозяйка разжалобилась и решилась совершить преступление. Чигринский получил чистые воротнички и манжеты. Не прошло и пяти минут, как он, наконец, явился перед Марьей Петровной в совершенно обновлённом виде. Утомлённый нервным волнением,

пока она возилась с последними украшениями своего туалета, он сел в кресло и положил ногу на ногу. Она приколотла себе на грудь цветочек и обернулась к нему и вдруг, взглядевшись в него, ахнула.

— Слушайте, Чигринский! Это невыносимо! посмотрите, как у вас зевают подошвы! Ведь этак нельзя идти...

— В самом деле! — воскликнул Чигринский, взглянув на свои сапоги.

Нижние части подошвы отскочили от верха, и приподнятые сапоги имели вид крокодилов, с разинутыми пастьями. Чигринский ударил себя ладонью по лбу и промолвил:

— Эврика!

Затем он вдруг схватился и стрелой помчался в свою комнату. Здесь он отыскал пужырёк с гуммиарабиком и довольно искусно склеил подошвы.

— Что же вы сделали? — спросила его Лопатина.

— А уж это, знаете, моя тайна! — ответил Чигринский.

Затем они оделись и вышли на улицу. У Чигринского было очень жиденское пальто;

поэтому он прихватил у Лопатиной плед и прикрылся им.

Зал, в котором была вечеринка, отстоял довольно далеко от их квартиры; они взяли извозчика, за которого заплатить пришлось Лопатиной, так как у Чигринского не было ничего; но вошёл он даром, потому что встретил множество знакомых студентов.

Когда они вошли в зал, ему показалось, что Марья Петровна начала старательно кого-то разыскивать глазами. Мимо неё проходили знакомые, кланялись ей, но не останавливались; но вот подошёл высокий, статный брюнет с красивыми глазами, очень чисто одетый, и, протянув ей руку, промолвил:

— А! Вы, значит, получили!

— Ах, так это вы? — спросила Марья Петровна, и лицо её просияло.

— Ну, разумеется.

— Какой вы милый!

— Я не мог лично зайти за вами, потому что должен был привезти сестёр. — объяснил брюнет. — Пойдёмте.

Он предложил ей руку, и они пошли.

Чигринский слышал весь этот разговор, и

уже после первых слов ему показалось, что сердце его стало биться медленней. Он стал у стены, заложил руки за спину и точно прирос к ней. Таким образом он простоял весь вечер. Ему казалось, что как только он отойдёт от стены, то сейчас же вся несообразность его костюма станет очевидной для всех. Изредка перед ним мелькала Марья Петровна, танцевавшая с разными кавалерами, но большею частью с красивым брюнетом. Но затем он совсем потерял её из виду. В третьей комнате приятно манил его к себе буфет, но он знал очень хорошо, что в кармане у него не было ни гроша. Но больше всего удерживал его от всякого движения страх, что ему изменит гуммиарабик.

Но вот уже давно прошла полночь и, по его мнению, пора было идти домой. Он чувствовал, что на его обязанности лежит проводить обратно Марью Петровну. Кое-кто уже начал расходиться, публика поредела, и Чигринский, наконец, решился на подвиг. Он прошёл ряд больших комнат и вступил в буфет. Первое, что он увидел, это была Марья Петровна, сидевшая за круглым столиком с

тем самым брюнетом, который прислал ей входной билет. Они весело разговаривали, Марья Петровна звонко смеялась, он пил пунш, а она ела сладкие пирожки.

— Ах, это вы! — воскликнула Марья Петровна, увидев его, и лицо её выразило такое изумление, как будто она никак не ожидала встретить его на этом вечере.

— Я хотел узнать, — нерешительно промолвил Чигринский, — вы скоро домой пойдёте?

— Нет ещё, но... но вы не беспокойтесь, меня проводят. Ведь вы меня проводите? — обратилась она к брюнету.

— Ну, да, конечно! Ведь вы же мне обещали это!

Чигринскому вдруг сделалось как-то необыкновенно скучно; он ни слова не возразил, поклонился и вышел.

Он бегом спустился по лестнице, схватил пальто и плед и побежал по улице. Почему он бежал, тогда как ему некуда было торопиться, этого он и сам не мог бы объяснить. Только теперь почувствовал он, как был смешон. Она — красивая, избалованная поклонника-

ми, лестью, успехом, — да разве она может интересоваться им? Если до сих пор он казался ей бедняком, то теперь должен был показаться жалким.

Он пришёл домой и стал раздеваться. С омерзением снимал он с себя чужие вещи и, как только разделся, тотчас же лёг в постель и уткнулся лицом в подушку. Ведь он дал ей возможность в подробностях остановиться на его жалком положении. Если она до сих пор хоть каплю уважала его, то теперь, конечно, будет презирать. Лучше было бы, если б он просто отказался провожать её на этот вечер, — она, может быть, рассердилась бы, и это прошло бы, и он не испытал бы этого страшного унижения.

Он лежал неподвижно и с глубокой горечью представлял себе, как весело они там сидят за столиком и обмениваются взглядами.

И, в самом деле, он заметил потом, что Марья Петровна начала относиться к нему с каким-то обидным снисхождением. Женщина может простить всё, но она никогда не простит смешного положения.

